

ВВЕДЕНИЕ В НАСЛЕДСТВО

С МАЯКОВСКИМ ПО ПРЕСНЕ

«**К**ТО ХОЧЕТ понять поэта, должен отправиться в страну поэта». Строгое, деловитое поучение немецкого классика, и к немецкой классике оно, должно быть, применимо. Но у нас все как-то сложнее, и видна даже явственная иная закономерность: вторая родина таланта, любимый край его музы. Пушкин и Лермонтов, северяне, увидев Кавказ, ощутили мощное притяжение его романтической природы, и здесь голос их окреп, стал слышен по всей стране. А Маяковский, на Кавказе родившийся, невероятную экзотику ощутил в современном большом городе...

Книга Василия Дмитриевича Коркина «Маяковский на Красной Пресне»* рассказывает о земных, конкретных очертаниях этой «духовной родины» Владимира Владимировича. Подросток Володя Маяковский еще в Кутаиси видел революционное брожение масс, принимал в нем участие. В Москве семья Маяковских оказалась в самом эпицентре революционных взрывов — на Пресне. 1906 год, лето — только месяцы отделяют от Декабрьского вооруженного восстания. Так что современный

город урбаниста Маяковского — это сразу же (и навсегда!) революционный город.

И чтобы «понять поэта», мы, наверное, должны научиться узнавать приметы конкретной городской, уличной топографии, пусть они даже преобразены поэтически, пусть их частности возведены на уровень бесмертной символики.

Вот только один, но невероятно яркий, врезающийся в память пример. В «Хорошо!» самой светлой, счастливой становится популярнейшая 19-я глава. Здесь решается одна из труднейших задач мирового искусства: великие уметь изображать горе, трагическое, мучительное... Как воплотить светлую часть спектра человеческих чувств? Даже называя у этого жанра нет: это ведь и не комедия, и не идиллия, что-то иное, бодрое, свежее, свободное.

Поэт как бы «просто» описывает прогулку по улице. «Окна разинув, стоят магазины»... «Грудью у витринных книжных груд»... «Моя милиция...» «В духах прошел»... Это знает каждый.

Но вот какая же это улица? Можно попробовать отыскать хотя бы ее прототип? Ведь это на нее, так увиденную и воплощенную в слове, будут отныне рав-

няться улицы всех городов социалистического мира. В. Д. Коркин обращает внимание на хрестоматийные, казалось бы, строчки:

Пиши,
машина,
шибче-ка,
вовек чтоб
не смолкла,
побольше
ситчика
моим
комсомолкам.

Что-то здесь чудится знакомое, родное, известное как бы и до стихов... «В десяти минутах ходьбы от музея (имеется в виду музей-квартира В. Маяковского на Красной Пресне. — А. А.) раскинулись корпуса производственных цехов и белокаменные жилые кварталы комбината «Трехгорная мануфактура», той самой «Трехгорки», которая подказала поэту известные строчки из поэмы «Хорошо!»...

По-иному окидываешь теперь взглядом даже здешние новостройки: может быть, они и есть те самые «дома коммуны», которые видел поэт сквозь пустыри, «где сор сегодня гниет, где только земля простая?»

КНИГА написана очень старательно, добросовестно, в ней приведены многие свидетельства современников, услышанные от людей, знавших, помнивших,

любивших поэта. И одним из таких свидетелей становится сам автор. «Молодежь рвалась к нему, — с гордостью очевидца сообщает В. Д. Коркин, — и многие из моих друзей хорошо знали его не только как поэта, но и как исключительно доброго и обаятельного человека».

Давно уже ясна неполнота и даже тенденциозность образа задиристого, «негадкого» оратора и трибуна Маяковского. Таким он тоже был, но надо учитывать, где и перед кем. А вот на Пресне, «дома» сохранился иной образ — дружелюбного, умного друга: «Подсчитано, что за период с 1919 по 1930 год он провел здесь более двухсот публичных выступлений и был инициатором многих массовых мероприятий...».

Особенно трогательны «внелитературные» эпизоды, отраженные в книге. Комсомольцы помогают поэту попасть на трибуны новенького стадиона «Динамо», на сей раз в качестве зрителя... Он приходит, чтобы помочь трудоустроиться безработному парню, с которым недавно познакомился...

Своеобразна композиция книги. Где-то в середине проремькнула гибель поэта, осужденная его друзьями-комсомольцами. А дальше — опять дела, встречи, выступления, организация музея, продолжение жизни... Наверное, в этом есть глубокий и правильный смысл.

А. АРОНОВ.

* «Московский рабочий», 1983 г.